ИСТОРИЯ 16 PF В РОССИИ, или “КАША ИЗ ТОПОРА”

Психодиагностика, как и любое другое направление науки — это не только победы и достижения, но и проблемы и трудности на пути к ним, не всегда легко преодолимые. Психодиагностика в России специфична тем, что практически не имеет собственного “багажа” разработанных и широко известных тестов. Загляните на стр. 6 — 7, где опубликован рейтинг наиболее популярных методик — среди них практически нет отечественных. А корректное использование западных тестов сопряжено с рядом существенных проблем. Именно об этих проблемах мы и хотим поговорить на страницах газеты, предоставляя слово тем, кто непосредственно работает в области адаптации и производства психодиагностического инструментария. Разговор этот начинает заведующий лабораторией психодиагностики Московского государственного университета ***Александр Георгиевич ШМЕЛЕВ****.*

А. Г. ШМЕЛЕВ, доктор психол. наук, Москва

Может быть, в этой статье-трилогии читатель не найдет желанного для него систематического описания знаменитой методики 16PF или статистически строгих сведений об ее эффективности. Но об этом уже немало написано на русском языке в другом месте (впрочем, про эффективность практически не написано). Моя цель здесь — поделиться лично пережитым опытом работы (так и просится слово — “борьбы”) по адаптации этого теста, и при этом как-то обосновать мой вывод, почему мы в настоящий момент на самом деле не имеем и не можем иметь юридически- и научно-корректной русскоязычной версии 16PF.

Может быть, мои коллеги-тестологи (например, Л. И. Вассерман, И. Н. Гильяшева, В. С. Магун, М. П. Мирошников, Р. В. Рожанец, Л. Н. Собчик), которые, как известно, тоже занимались адаптацией этой методики или сходных методик, по-своему описали бы свой опыт, но я расскажу о том, к чему имел непосредственное отношение я сам, — об опыте работы с этой методикой в МГУ и по договору с Институтом Кеттелла.

Мой опыт делится на три этапа, совершенно разных по смыслу выполняемой работы, статусу и целям. Эти этапы образуют своеобразную “трилогию”:

1) “Открытие Америки” (1981-1991) — преимущественно научно-исследовательская и учебно-методическая работа с методикой 16ЛФ, послужившим в МГУ фактически дидактическим образцом абстрактного многофакторного личностного теста.

2) “Под пятой копирайта” (1991-1995) — работа по лицензионному соглашению с Институтом Кеттелла, создание и распространение лицензированной и адаптированной компьютерной версии 17ЛФ.

3) “Каша из топора” (1996 - настоящее время) — создание и распространение национальной альтернативы тесту Кеттелла — оригинального теста 16РФ, основанного на ином банке заданий (вопросов) и иной факторной структуре, вышедшей из нашего отечественного проекта “Тезаурус русскоязычных черт”.

“Открытие Америки”

(1981-1991)

На рубеже 70-80-х годов у советских психологов впервые появилась возможность “выходить” на достаточно мощные ЭВМ. И нашлись чудаки-фанаты, готовые “выходить” по ночам, готовые разрабатывать свои собственные программы на Фортране, так как стандартные пакеты (например, BMDP) не позволяли обсчитывать огромные массивы из ответов каждого испытуемого на каждое задание теста.

Освоив в начале 80-х годов вместе с Владимиром Похилько факторный анализ матриц интеркорреляций между пунктами крупных тестов (матриц порядка 187*187 или 377*377), мы увидели, насколько на самом деле, мягко говоря, “далеки от совершенства” существующие русские переводы известных тестов, по которым уже тогда собирались массивы из многих сотен протоколов. Почти всегда самым главным у нас оказывался фактор “социальной желательности” (т. е. главные различия пролегали между “лгунами” и “искренними” испытуемыми), многие пункты вовсе не работали на те шкалы, как им полагалось (то есть, некорректными были не только нормы, некорректными были сами ключи) и т. п. Результаты этого анализа выглядели столь плачевными для наших практических психологов, что статья об этом... провалялась в редакции “Психологического журнала” четыре года (!!) и вышла только в 1987-ом году — с пришествием эпохи “гласности”. И это несмотря на то, что нашим соавтором по этой статье был очень влиятельный психолог Ю. М. Забродин (в те годы заместитель Б. Ф. Ломова по институту ИП АН СССР).

В 1986-ом году А. А. Бодалев, будучи деканом факультета психологии МГУ и главным редактором учебного пособия “Общая психодиагностика”, настойчиво предлагал опубликовать в этом учебнике “открытым текстом” полный комплект 16PF со всеми ключами и нормами. Я возражал (опираясь на моральную поддержку своих друзей — соавторов учебной версии теста): “Как же так, Алексей Александрович, ведь этим будут пользоваться непрофессионалы, это станет добычей для интеллектуальных шакалов — журналистов. А кроме того, как мы будем выглядеть в глазах международного сообщества психологов? У нас же нет лицензии на адаптацию этого теста? Одно дело — ознакомление студентов с учебной версией, другое — открытая публикация. Для этого надо обзаводиться лицензией и добиваться необходимых психометрических свойств — надежности, валидности, репрезентативности, обеспечивать национальную выборку стандартизации и т. п.”

От проблем лицензионной чистоты, соблюдения международного копирайта, профессиональной тайны и национальной выборки Б. Ф. Ломов, А. А. Бодалев и другие руководители советской психологической науки в 60-80-е годы были практически так же далеки, как далеки сейчас нынешние издатели “пиратских свалок” под названиями “Лучшие психологические тесты”, “Энциклопедия тестов” и т. п. (я уж не упоминаю здесь столпов московской школы — А. Н. Леонтьева и его последователей, которые были просто противниками всяких тестов вообще).

Компромисс был найден в тот раз такой: опросник 16ЛФ (первая МГУ-шная учебная русскоязычная версия 16PF, над адаптацией которой много работали вместе со мной В. И. Похилько и А. С. Соловейчик) был опубликован не в основном “твердопереплетном” учебнике, а год спустя — в малотиражном приложении для нашего практикума (было выпущено всего 1000 экземпляров на скверной бумаге). Вопросы были сгруппированы в этой брошюре не как положено в тестовом буклете, а по факторам — они просто иллюстрировали содержание факторов. В брошюре давалась только форма А. (Напомним, что корректная процедура требует проведения с интервалом двух параллельных форм А и Б — для проверки устойчивых пиков на профиле). В течение 80-х годов исходный русскоязычный текст вопросов был постепенно существенно модифицирован с помощью многоэтапной замены отдельных пунктов (вопросов) по результатам корреляционного анализа.

Стоила эта брошюрка с дидактической версией 16ЛФ-А всего 25 копеек, и по этой цене ее мы тогда и распространяли года четыре (пока хватало крошечного тиража). Правом приобретения пользовались только наши студенты, которые проходили (как проходят и сейчас) практикум по психодиагностике. Потом мне много раз рассказывали, что кто-то (да наши же выпускники, попадавшие после окончания на “замечательные” оклады размером в 95-105 рублей) перепродавал ксерокопии этой брошюрки, а программисты тут же кинулись “забивать” тест 16ЛФ-А в свои программы. Такой был методический голод. И такая была методическая безграмотность. Увы, и сейчас в плане грамотности положение не сильно улучшилось.

В те годы — в конце 80-х — центры НТТМ и первые кооперативы уже начали “грести деньгу”, не стесняясь никаких “копирайтов” и не разбираясь совершенно в вопросах культурно-языковой

и статистической адаптации тестов. А нам — преподавателям “первопрестольного ВУЗа” (мы ведь тогда гордились и дорожили этой позицией в академическом мире) — было неудобно опускаться до такой коммерческой беспринципности. Наоборот, совесть беспокоила, что нарушили в какой-то мере международный копирайт. Настроение тогда было такое — на гребне демократической эйфории — обязательно дружить со всем миром и вступать с ним в цивилизованные, а не в коммунистически-воровские отношения под лозунгом “мы — коммунисты, и можем все у Вас, буржуев, в любой момент “скоммуниздить”, так как наша коммунистическая этика и философия нас в этом полностью оправдывают...”

Не будучи членом “руководящей и направляющей”, я был фактически невыездным до 1988-го года. Куда уж мне было тогда заниматься вопросами заключения лицензионного договора с Кеттеллом! Точнее, с его потомками, возглавившими в то время (после его ухода на пенсию) Институт Тестирования Личности и Способностей в штате Иллинойс (см. адрес в Интернет **http://www.ipat.com**).

Но вот в 1991-ом году —когда пришла эра электронной почты и либерализации правил выезда наших специалистов для участия в международных конференциях — я получил приглашение на конгресс Американской Психологической Ассоциации в Сан-Франциско (см. **http://www.apa.org**). Если бы рядышком (40 миль) в г. Пало-Альто к этому времени не обосновался уже Владимир Похилько, занявшийся компьютерными играми (см. некролог в “ПГ” 10-98), то прожить и пропитаться в Сан-Франциско было бы мне тогда просто невозможно — все деньги уже ушли на дорогу. По несколько символичному стечению обстоятельств сроки конгресса совпали с августовским ГКЧП и его крахом. Это я пишу для того, чтобы у читателей как-то синхронизировались ряды событий научной и политической жизни страны.

Мы с Владимиром разыскали на выставке стенд IPAT и договорились с Мэри Кеттелл (невесткой знаменитого Раймонда), которая возглавляла в этом институте департамент международных связей, о заключении лицензионного договора — между IPAT и зарегистрированной к тому времени в Научном парке МГУ нашей инновационной фирмой “Гуманитарные технологии”.

“Под пятой копирайта”

(1991-1995)

Условия договора с институтом Кеттелла оказались для нас совершенно кабальными. Впрочем, они были стандартными для коммерческой политики этого института, за которую этот Институт, как потом выяснилось, не любят психометристы чуть ли не во всех странах. Началась полоса удивлений и разочарований, так сказать, развеивания “наивно-демократических”, космополитических иллюзий. Наших американских коллег практически не интересовали данные о том, какую огромную статистическую работу мы проделали по анализу пунктов и замене “неработающих”, каковы социально-демографические параметры наших многотысячных к этому времени выборок (а получить эти данные мы могли, только начав распространение теста и никак иначе!). На наши многометровые распечатки с различными коэффициентами был выдан лишь общий “одобрямс”. А ведь, как уже говорилось, в сырых переводах до 30 процентов пунктов в формах А и Б нами были заменены культурными эквивалентами, так же далекими от исходных американских, как далек вопрос про “пластиковые карточки” от вопроса про “соленые огурцы”... Независимые европейские специалисты (такие, как Алоис Англяйтнер из Германии и Дэвид Бартрам из Великобритании) считали, что мы на самом деле выполнили работу, близкую к модификации, а не к адаптации теста. Хотя, по-моему, тут они немножко горячились: все-таки мы строили тогда диагностический профиль именно в терминах факторов Кеттелла, а не каких-то других факторов.

На нашу тестовую программу-оболочку (разработана под моим руководством И. В. Бурмистровым), которая была значительно мощнее по функциональным возможностям, чем все, что мы видели в начале 90-х в Европе и Америке, наши заокеанские коллеги даже и смотреть не хотели. В их представлении русские должны были обязательно занять экологическую нишу где-

то между “эскимосами и пингвинами” и не выпрыгивать из нее в своих интеллектуальных амбициях. Победители в “холодной войне” готовы были только “снисходить”. Но эта “снисходительность” ни в коем случае не означала коммерческих льгот.

Американцы вовсе не хотели предоставлять нам никаких скидок на наш “посттоталитарный синдром переходной экономики” с ее галопирующей инфляцией и сумасшедшим курсом доллара. По отношению к нам наши заокеанские коллеги заняли позицию, сходную с позицией “родных” налоговых органов (не освобождающих, как известно, социально-ориентированные научные разработки от уплаты хотя бы НДС), в результате чего честные специалисты, выплачивающие все налоги и все лицензионные долги, заведомо проигрывают в конкурентной борьбе с уклоняющимися от налогов пиратами. Американский стандартный экспортный договор, как обычно, предполагал 20 процентов отчислений в валюте в пользу IPAT с любой реализации методики 17ЛФ (в бумажной или компьютерной форме). Кстати, семнадцатой была изобретенная нами шкала “социальной желательности”. Устанавливалась и нижняя граница обязательных отчислений в ИПАТ, которая определялась в валюте. Для них это, конечно, смешная сумма. А для нашей страны, где среднемесячная зарплата у работников науки и образования (в начале 90-х годов) не превышала 20 долларов, эта сумма выглядела вовсе не смешной, а просто страшной.

Ввязавшись, обнаружив перед хозяином копирайта, какие массивы мы уже собрали по методике 17ЛФ, мы уже не могли просто отказаться от подписания этого кабального договора. Нами все это воспринималось тогда как расплата за грехи “советского строя” (детям всегда приходится расплачиваться за грехи отцов, вот и нашим собственным детям предстоит вкусить гораздо больше, чем нам, “плодов с древа” обвалившихся финансовых пирамид 90-х годов и проеденных и пропитых кредитов...). Итак, после тяжелых переговоров, продолжавшихся больше года, договор был все-таки нами подписан.

В самый трудный год (1994) мы смогли “спасти свое лицо” только благодаря бескорыстной позиции Владимира Похилько, доплатившего в ИПАТ за наши долги из своих компьютерных заработков. Материальную помощь нам оказывал и, ныне покойный, американский психолог из Орегонского Исследовательского Института Д. Дигман (он симпатизировал русским, так как у него была русская жена). Я просто стеснялся рассказывать тогда коллегам, как нас “обдирают” американцы...

Итак, через три года стало окончательно ясно, что распространение компьютерной системы 17ЛФ придется сворачивать, так как при постоянном спаде платежеспособного спроса в России, при уплате наших родных отечественных налогов и выплате долга заокеанским владельцам копирайта все наши авторские “роялти” (процентное вознаграждение авторам) становились просто отрицательной величиной. А об издании буклетной версии 17ЛФ нечего было даже и думать, ведь 10 процентов в пользу авторов, как известно — потолок для любого нашего издательства, а авторы, обремененные какими-то обязательствами перед американцами, вообще никому в России не нужны.

В 1995-ом году мы приняли решение не возобновлять договора с Институтом Кеттелла, так как американская сторона потребовала (в добавок ко всем прежним требованиям) провести работу по адаптации пятого издания 16PF, в которое они (уже позже нас) добавили пару шкал для контроля социальной желательности. Не привели ни к чему все наши попытки объяснить заокеанским “друзьям”, что их обновление никак не может продиктовать то направление, в котором следует обновлять тест в России; что нам здесь обойдется гораздо дешевле разработка нашей собственной оригинальной версии многофакторного опросника, чем добросовестная адаптация новой американской версии с уплатой за это удовольствие каждый год внушительной суммы. Американцы были несокрушимо убеждены в рекламной магии своей “трейд-марк” среди “аборигенов”, и в целом, увы, они оказываются правы...